

Жёлтая книга

Иоланта
Вержантова

12+

Иоланта Сержантова

Жёлтая книга

«Автор»

2020

Сержантова И. А.

Жёлтая книга / И. А. Сержантова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-00140-508-5

Сборник рассказов и новелл. Жизнь полна слухов о ней. Все персонажи книги вымышлены, любые совпадения с реально живущими персонажами случайны. Дизайн обложки — Иоланта Сержантова. Фотохудожник (фотография "Маки") Сергей Быстрицкий, Екатеринбург – Торонто.

ISBN 978-5-00140-508-5

© Сержантова И. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Жёлтый дом, история «болезни»

Когда я вижу пластмассовое колечко, что подтверждает подлинность сигнатуры, которое пылится где-нибудь на столе, то не решаясь избавиться, неизменно нахожу для него укромное местечко, и прячу так, чтобы помнить, где оно. Домашние снисходительны к моей причуде так же, как бываю терпелив к их странностям и я.

– Вам явно не к нам. – Я стою рядом с братом и, кажется, нервничаю намного больше, чем он. Мы воспринимаем визит к врачу почти что шуткой, недоразумением. У брата врождённый дефект костей. Сдавливая сосуды головы, они являются источником постоянной боли. Многочисленные визиты к эскулапам разных профилей привели нас к неврологу, который сокрушённо развёл руками и сообщил, что «рад бы, да подобной редкой специализации не существует, а посему проще всего обратиться в психиатрический диспансер».

– Но брат нормален, абсолютно!

– Я понимаю это, но вашему родственнику необходим щадящий режим обучения, а никто, кроме этого учреждения не в состоянии оформить целесообразность подобной меры. Там же не только психов лечат, там хорошее неврологическое направление.

Заметив, что я расстроен, врач добавил:

– Да не сокрушайтесь вы так, всё будет хорошо, вот увидите!

И я повёл брата на приём к районному психиатру.

Переговариваясь и подталкивая друг друга, мы зашли в кабинет. Дама в золотых очках и белом халате нервно кромсала неразборчивым почерком очередной лист бумаги. Беззащитных и нагих, Она брала их из стопки, а изуродовав, подклеивала в папку цвета съеденной каши. При этом у неё на лице было довольное и отчасти хищное выражение, которого она не пыталась скрыть, так как уже давно не осознавала его сути.

– Ну-с... и что мы веселимся? – поинтересовалась дама, обратив-таки на нас внимание.– Всё намного серьезнее, чем вы предполагаете. Поверьте мне, у меня приличный опыт.

Мы с братом переглянулись и рассмеялись.

– Напрасно вы так, – насупилась доктор. – Ну, что ж, будем лечить. Для начала пройдем обследование. Вот направление, отправляйтесь. (Как я, в рифму-то!) – Восхитилась она себе, обращаясь к окну, – Результаты нам вышлют, по почте.

– Почему по почте?

– На руки не дают. Вам не положено.

– Доктор, вы уверены? Нам сказали, что у вас хороший невролог, что нам помогут если не избавиться от головной боли, то хотя бы немного уменьшить её.

– Ну, правильно. Вашего брата надо обследовать.

– А это не опасно? Это, всё же, необычная больница...

– О чём вы говорите! Мы живём в 21 веке, и больница – это не тюрьма. Вот вам направление, идите, ложитесь.

– А как долго это всё?

– Не больше десяти дней. Это просто обследование. Несколько тестов, витаминчики, регулярный сон, отдых. Ничего больше!

– А все эти страшные психотропные... – начал было я, но врач перебила меня на полуслове:

– Ничего такого, не воображайте себе. Только витамины. Вас же не пугают витамины?

– Ну, в разумных дозах...

– Вот и славно, идите, у меня пациенты.

– Спасибо, доктор! Вы меня успокоили!

О... Если бы я только знал цену обещаниям докторов... Меру их честности, чести, ответственности, наконец... Я бы не был столь доброжелателен.

Врачи в приёмном покое на нас смотрели более, чем недружелюбно. Сам факт того, что в нагрудном кармане пиджака лежало направление в психиатрическую лечебницу, составлял девяносто девять процентов диагноза. Он был фактически утверждён, а пребывание оказалось лишь формальностью.

После того, как фамилия брата была вписана в амбарную книгу вновь прибывших, дежурный врач поднял на меня глаза и сообщил:

– Ну, всё, вы идёте, а брат остаётся.

– Ясно. Скажите, это ж тут недолго всё? Дней десять?

Врач «на глаз» оценил мою вменяемость и сквозь зубы сообщил:

– Двадцать один день, не меньше.

– Как?! Но нам сказали...

– Три недели – минимум.

На братишку было страшно смотреть. Я сам едва не рыдал, глядя в его испуганные глаза. Он верил мне. Я, я сам привёл его сюда, в это страшное место, и теперь ухожу, а он остаётся в помещении с решётками на окнах, за запёртыми с двух сторон дверями, рядом с явно нездоровыми грустными, непредсказуемыми людьми.

– Потерпишь, малыш? – Брат едва заметно кивнул, втянув голову в плечи, – Я приду завтра. С утра. Жди меня.

Расслышав мои слова, дежурный врач сообщил:

– Родственники раз в неделю!

– Я приду завтра. – Возразил я твёрдо. – И буду приходить каждый день. Каждый.

Врач шевельнул плечом, но промолчал. Я оценил его безразличие и отстранённость, как согласие. Но, если честно, мне было уже абсолютно всё равно.

Не понимая, как доживу до утра, я поехал домой, и ровно без минуты восемь следующего дня уже стоял у запёртых дверей психиатрического отделения больницы, за которыми ждал меня мой младший братишка.

Воспользовавшись нерасторопностью медсестры, проскользнул внутрь и, поймав за полу санитарку, сунул ей в руку шоколадку, попросив позвать брата.

Через несколько минут я увидел его. Медленно переставляя ноги, брат шёл, держась плечом за стену. Я бросился ему навстречу. Лицом, лишённым мимики, едва шевеля губами он прошептал:

– Они мне что-то вкололи. Я ничего не чувствую, и не могу ходить в туалет.

Вцепившись в брата, я подвёл его к скамейке, и, помогая согнуть ноги, усадил. До конца не понимая, что произошло, объявив бодрым голосом «фокус-покус», я добыл из левого кармана баночку красной икры, из правого – пачку сливочного масла, нарезанный батон, и стал делать бутерброды. Брат попытался улыбнуться, но лицо его совершенно не слушалось, и он перестал пытаться, замолчал, уставившись в стену напротив.

– Ты же любишь... – беспомощно пробормотал я.

– Н – не ощущаю вкуса. Совсем. Язык, как резиновый и глотать не получается. – едва смог выговорить братишка.

Прижавшись к нему лицом, я замер, и мы просидели так несколько часов, пока врач не указал мне на дверь.

Несмотря на положенный по правилам день в неделю для посещения, я приходил в клинику каждый день, как и обещал. Иначе не мог. Жил от встречи до встречи. Давился, если пытался поесть и спал вполглаза. Возвращаясь домой, не мог усидеть на месте, но и делать что-

то внятное был тоже не в состоянии. Однажды в сумерках, сгустившаяся темнота предъявила мне чей-то образ. Вглядевшись, я распознал перед собой лицо брата. Он был бледен и смотрел на меня так горько и безутешно, что, ощутив невыносимый ужас, я выскочил вон из квартиры, с намерением ехать в больницу, до которой было немногим меньше двух часов автобусом. На выходе меня задержал расположившийся поперёк ступенек подъезда нищий. Он сидел, пересчитывая мелочь. Пытливо, глянув в мою сторону, ничего не попросил, а лишь продолжил свои подсчёты. Повинуясь безотчётному инстинкту, я нащупал в кармане всю мелочь, которая там была, и высыпал ему в руку. Мужчина отреагировал довольно странно. Пробормотав «откупился», он размяк, засуетился и... паника отпустили меня мгновенно. Я поднялся в квартиру, упал на кровать и заснул, а наутро обивал порог больницы на час раньше обычного.

– Что вы тут топчетесь, – санитарка, оценившая вкус подаренного шоколада, – отворила мне дверь. – Заходите. Сейчас позову.

Брат вышел, по-прежнему стараясь держаться ближе к стене. Свежая царапина на его щеке испугала меня, но он, без эмоций, на которые был теперь мало способен, рассказал, что накануне, в тот же час, как привиделся мне, в миллиметре от его лица, в туалете, буйный больной разбил оконное стекло.

Не позволяя себе разрыдаться, я вцепился в братишку так сильно, как смог. Вспомнил лицо бездомного и его слова... слово, которое позволило мне вновь дышать, и пережить очередную страшную ночь: «откупился».

– Не плачь, – вдруг сказал брат. – Я же тут. – И без связи с предыдущим сообщил, – нам гречку с мясом давали.

– И как?

– Ничего, есть можно.

Внезапно я понял, что братишка опять картавит так же, как в детстве. Он сильно ослаб от лекарств, подбородок и кисти зримо дрожали. Но если руки можно придавить телом, подложив под себя, то лицо было не спрятать.

Через неделю пребывания в стационаре, я подошёл к врачу с вопросом, когда смогу, наконец, забрать домой брата.

– Не знаю. Когда-нибудь. А может быть и никогда.

Я не поверил своим ушам:

– О чём это вы?! Он нормален.

– Ну, это вы так думаете, с усмешкой ответила врач. Заметив блеск слёз в моих глазах прикрикнула, – Только не рыдать! – и добавила, – Завтра консультация с главным. Он всё решит. – После чего выставила меня вон.

Назавтра, после беседы с заведующим отделения, брата перевели в палату с более строгим надзором. Врач явно избегала меня. Брат постепенно терял способность читать, слышать музыку, даже разрезанная на кривые кусочки детская головоломка никак не складывалась в его сознании. Я с ужасом наблюдал за тем, как братишка в свои шестнадцать подолгу бился над пазлом для трёхлеток. Одни лишь строки Библии странным манером втекали в его сознание. Психотропы пасовали перед ритмом Писания, впрочем, это пугало тоже.

Лишённый привычного окружения, брат переключился на помощь тому, кому было хуже, чем ему самому. Среди пациентов надзорной палаты, был одинокий старик, которому явно была необходима помощь. Брат беседовал с ним, поддерживал, если требовалось встать или пройти, иногда читал вслух. Старик поинтересовался однажды, не попадалась ли брату книга «Изобрести нежность».

– Читал, давно, в другой жизни.

– И как оно тебе? – спросил его старик.

- Не понравилось.
- Жаль, это написал я...

Персонал отделения привык к моим ежедневным посещениям и совершенно перестал стесняться. Медсёстры и санитары открыто обсуждали жизнь больницы и свою собственную. Оказалось, что многие родственники, определив мужа или сына в клинику, навещают его от случая к случаю, а за просьбы забрать домой наказывают, пропуская неделю или две. Иные пациенты напрашивались в стационар сами, «отдохнуть от мыслей». Такие чувствовали себя в больнице, как дома. У некоторых был самодельный, сплюснутый из трубочек кровати, ключ. Они могли ходить между отделениями и даже выходили «подышать», когда им вздумается.

Из разговоров медсестёр между собой выяснилось, что некоторые уколы «ставят» в перчатках не из-за требований гигиены, а от того, что лекарство, впрыскиваемое в кровь пациентов, разъедает даже кожу. Некстати, узнал и о том, что больничное бельё стирают в пятистах километрах от больницы, в другой области. А после знакомства с женщиной, которая навещала своего сына ежедневно в течение уже десяти лет, стал собирать деньги, чтобы выкупить брата из этого кошмара...

...Получая от меня деньги, врач недобро усмехнулась и сообщила:

- Вы всё равно мне его через неделю отдадите, не выдержите. У него нейролепсия.
- Что это?
- Побочные действия наших препаратов. От этого непросто избавиться. Даже невозможно, – хищно оскалилась женщина.
- Мы справимся. Без вас... доктор. – Категорично ответил я.

Наутро после нашего возвращения домой, я вошёл к брату в комнату, принёс чай, присел подле и, наблюдая, с каким трудом удаётся ему каждый глоток, слово и даже поворот головы, молча плакал... Брат стеснялся своих дрожащих рук и лица, а я... Мне было стыдно за то, что подвёл самого близкого человека, поверил людям в халатах, цвета которых они не заслужили.

В течение нескольких месяцев после, каждый день мы подолгу ходили пешком, представляя организму самостоятельно справиться с ядом, который впрыскивали брату в кровь. Понемногу сгладилась нервность в движениях, утихла дрожь в руках, восстановилась плавность речи. Вернулась способность делать неожиданные выводы и читать. Спустя год окреп голос. Казалось, мы отделались лёгким испугом. Но завуалированная картавость, некрепкая память и потеря веры в людей, – такой оказалась плата за безответственность врачей, призванных облегчать физические и нравственные страдания, а не усугублять их.

А что до пластмассового колечка от лекарства... Когда мы стали разбирать вещи брата после возвращения из того страшного жёлтого дома, то в каждом кармане находилось колечко. Оно было его связью с реальностью, с жизнью, с миром людей, которых не держат взаперти. Нащупывая кольцо, как петельку запасного парашюта, он верил в то, что выберется из передраги живым.

Камбала

Жизнь полна слухов о ней

Она была удивительно сложена. Высокая полная грудь, тонкая талия, роскошные густые волосы. Если кто-то заговаривал с нею, она внимала собеседнику, обращая к нему персиковый румянец правой щеки. И смотрела, чуть склонив голову, как бы снизу вверх, что было довольно

непросто при её довольно высоком росте. Левую сторону она обыкновенно держала в тени широкой пряди, под которой прятала изуродованное рваным рубцом от виска до подбородка лицо.

Я заметил её ещё на первом курсе института, был влюблён, но решился подойти только на третьем. Мы общались довольно долго прежде, чем она оценила моё отношение и поведала о том, что с ней произошло. Но до той поры...

– Студенты! Внимание! Разбились по парам, берём друг у друга каплю крови, наносим на предметное стекло, размещаем по эталонным образцам, рассматриваем под микроскопом, сравниваем и определяем группу. Не забываем обработать руки спиртом.

– Только руки? – захихикали девицы.

– Совершенно верно, – преподаватель не оценил шутки, выдал нам инструменты и отошёл к кафедре, чтобы понаблюдать за процессом со стороны.

Так как я был единственным парнем на факультете, то мне ничего не оставалось, как предоставить все свои десять пальцев для уколов сокурсниц. Девицы пищали и промахивались мимо подушечек, вонзая ланцет под ноготь, иные умудрялись попасть в ладонь. Одна лишь она, отказавшись ранить меня, протянула свой пальчик, но я не решился сделать ей больно.

К окончанию процедуры мои руки были истерзаны, и она взялась обработать раны. Заведя прядь за ухо, она склонилась надо мной... Я чувствовал её сладкий запах, нежное прикосновение рук, но заговорить с ней о своих чувствах так и не посмел. Единственной победой того дня было то, что она впервые поглядела на меня, не пряча за чёлкой большую часть лица.

Через пару недель нам предстояло препарировать лягушек и крыс. Однокурсницы, накануне не пожелавшие портить проколами свои нежные пальчики, теперь охотно согласились лишиться жизни крыс и лягушек ради учебного процесса, я же был абсолютно не согласен с этим. Едва хищные лапки девиц потянулись к ёмкости с несчастными животными, я преградил им путь:

– Если бы это было нужно для спасения чьей-то жизни... – рассовал по карманам крыс с лягушками и, невзирая на протесты преподавателя, вышел вон.

Утром следующего дня, она подошла ко мне в коридоре после лекции, глянула из-под чёлки правым глазом и поинтересовалась:

– И где ты их всех разместил?

– Кого это? – изобразил непонимание я.

– Несчастных, спасённых тобой от вивисекции.

– А... Под кроватью живут.

– В общежитии?

– Ну, а что?! Оно ж так и называется – общежитие. Общее житие! Это всех касается.

– Ну-ну. А ты забавный.

– Где-то я уже слышал это выражение... Но действительно забавным стану, когда сосед по комнате вернётся, вышвырнет меня вместе с крысами, и мне придётся кочевать по дорогам, устраивая представления с лягушками за деньги. А пока я – герой! – игриво заключил я.

– Герой... – вздохнула она и предложила, – Привози их ко мне домой. Присмотрю до весны, а там поглядим.

– А к тебе можно?

– Ну, раз предложила, значит можно! – ответила она и, развернувшись на каблуках, ушла в аудиторию.

На выходных я перевёз бедолаг на новое место жительства, и, считая себя обязанным обеспечивать их питанием, стал регулярно навещать в гости. Она была не против. Мы сообща купали питомцев, чистили клетки, а потом усаживались пить чай на её просторной кухне. Честно говоря, я любил кофе, но в её обществе был готов пить даже скипидар.

И вот, в один из таких вечеров, она рассказала мне о происхождении страшного шрама, которого так стеснялась. Оказалось, что до поступления в институт она работала в психиатрической лечебнице медсестрой.

– Сутки через двое. Знаешь, место, в общем, непьющее. Конечно, если не задумываться о тех, кто отбывает, как наказание, свою жизнь в её стенах. Люди, что работают там годами, делаются равнодушными или психами. Иным, одиноким, больные отделения заменяют семью...

– А ты...

– Не перебивай.

Она помолчала немного и продолжила:

– У нас в отделении лежал одноглазый парень, санитары прозвали его камбалой.

Так было жаль его... Во время вечернего обхода старалась лишней раз заговорить, как-то порадовать. Мне казалось, мы подружились... Как-то раз, я задремала на посту под утро. Проснувшись от удара. Этот... парень, Камбала, разбил банку для сбора анализов, попытался перерезать мне горло, но промахнулся и поранил лицо. Я успела сделать ему укол аминазина, шприц был под рукой, и упала. Рана на лице получилась нехорошей, сшили плохо, заживало долго...

– И ты ушла? – спросил я.

– Не сразу. Когда лицо поджило, вышла на работу, посмотрела на этого человека, и поняла, что больше не смогу находиться там. Не из страха, нет. Просто, – быть равнодушной к страданиям больных подло, а пожалеть... Всех не пожалеешь, сердца не хватит.

– Ты ненавидишь его?

Она рассмеялась:

– Да нет. Уже – нет. Я навещаю его пару раз в месяц. Приношу вкусного, мы разговариваем. Ему уже лучше, но не думаю, что он когда-либо выйдет оттуда, он непредсказуем.

– Как и мы все... – задумчиво протянул я, и засобирался к себе в общежитие.

Она грустно и понимающе улыбалась в ответ моему смятению и когда я был уже у двери, попросила:

– Ты не приходи больше. С животными я справлюсь сама. Всё будет хорошо, не волнуйся, они в надёжных руках.

После окончания учёбы мы разъехались кто куда, я не видел её много лет и вот однажды, на юбилей института мы встретились. Она пришла в сопровождении элегантного седовласого красавца. Один его глаз казался стеклянным, а другой искрил яростным обожанием.

– Знакомьтесь, – представила нас она, – мой муж...

– Я вижу, под твоей защитой не только земноводные, – съязвил было я, но мужчина опередил меня:

– Да, к рыбам она тоже равнодушна.

– Но... как же это... Вы же...

– Пытался её убить, хотите сказать?

– Ну, а что же?!

– А как бы на моём месте поступили вы? Понимая, что никогда не будете вместе с любимой женщиной. Она – свободна, а я заперт... Я порешил убить и её, и себя... Но... вот...

– И что теперь? Вы здоровы?! Вас выпустили?!!

– О, мой милый... Я навечно болен любовью к ней. Впрочем, как я понимаю, не вполне излечились и вы...

Она легко коснулась его плеча и шепнула что-то на ухо. Он кивнул, и тут мне стало очевидно, что прибранные наверх волосы открыли обе её щеки. А шрам... Она гордо несла его на своём лице, как печать, тавро любви, которое дано нести не всем.

Если ты ещё есть...

В погоне за миражами несбывшегося, самонадеянно предполагать, что живёшь по-настоящему и чего-то стоишь.

Кручу ручку старинной настенной кофемолки что есть мочи. В кухне нет двери, а кости кофе так громко и горестно хрустят под моим напором.

Чтобы не разбудить домашних, делаю это в несколько приёмов. Стараюсь успеть, пока бесконечный простуженный скелет рельс с шипением прогибается под копией электровоза детской железной дороги.

Для того, чтобы приготовить чашку кофе, необходим перестук пары скорых и грохот одного товарного. Первый давится шпалами, набит сонными отпускниками и опухшими от ночных посиделок командированными. Второй – длинный, как связка сосисок в гастрономе, загружен трубами, углем, и чем-то страшным, отвергающим жизнь. Оно прикрыто брезентом и опутано тросами так жестоко, что не смеет трепыхаться даже на сквозном ветру. Грузовой изредка швыряется камнями... А пассажирский... Тот, как гигантский скунс, оставляет после себя такие запахи, что ни один парк зверей, не сможет соперничать с ним в нечистоплотности. Бельё купейных вагонов свисает вялым собачьим языком из окон, а бесконечно доброжелательные отпускники с измятыми бумагой щеками ловят запах моря сквозь табачный дым. Он густо колыхается в термосе тамбура, и выдаётся сиротскими порциями при каждом зевке его потной двери.

На нижней полке, ближе к туалету, сидит девушка, считающая себя парнем. Уродливые ступни опутаны нитями бус. Красивые пляжные тапки зацепились за большой палец плоской, почти деревянной ступни. На самом виду серые, посеченные пятки, зубы похожего цвета, широкие ладони с неопрятно огрызанными ногтями...

– Пойми ты, что никого нет! Кроме тебя – никого! реально существуешь только ты! Все остальные появились только потому, что вы договорились с ними до твоего рождения! Они – пустышка, массовка, ничтожество!

Ты так часто твердила мне об этом, что в какой-то момент из реального, осязаемого человека, превратилась в ничто, в нечто среднее между мужчиной и женщиной, попирающее вязкую прослойку времени на границе меж сном и явью. Между двумя мирами...

Не зная теперь, где ты, не уверен, что пойдёт к тебе больше – настоящее или прошлое. Так же, как ты была не уверена в том, кто ты.

Считая себя мальчиком, совершенно по-девичьи глупила. Часто любовалась отражением в зеркале и в то же время ненавидела своё тело. Навсегда лишила себя счастья быть мамой и радовалась присутствию чужих детей. Много нелепостей в твоей судьбе. Как, впрочем, и в моей.

В день твоего приезда, море расцвело горстью маковых парусов. Мне показалось это хорошим предзнаменованием, но увы, я ошибся. В искреннем желании порадовать тебя малостью, распознала подобострастие. Тебе было неприятно и ненавистно всё, что можно обвинить в наивности, доброте или бескорыстии. Ты не верила в порывы, считала нежность и уступчи-

вость признаками слабости. Вытоптала ростки этих недостатков в себе, а заодно искоренила у тех, кто хотел быть рядом. Подле оставила грубых, расчётливых, подлых и продажных. Моё существование уродовало стройную систему твоих взаимоотношений с человечеством. Я был недоразумением, во всех смыслах этого слова.

Словно юная трясогузка, что бежит вдоль железнодорожного рельса, ты быстро перебирала худыми лапками, путешествуя по жизни. Не внимая, судила. Уверенная в том, что «всё придёт само», отказывалась даже читать.

– Любое убеждение противоречит жизни, и её стремлению к развитию. Хаос поддерживает наше существование! Косность – вот наш основной враг! И какую часть себя ты не скормишь ему – уже побеждён.

– Помолчи минутку, пожалуйста. Я в отчаянии, одиночество овладевает мною, и... ничего не могу поделать с этим, хотя раньше мне было уютно самому с собой.

– Верно. Человеку хорошо, когда он один.

– А тебе... тебе!?

– Когда как. Но, имей в виду, – я не хочу сюда возвращаться.

– Ты понимаешь, как я к тебе отношусь?

– Вполне, но это меня ни к чему не обязывает. Следовать чужим порывам пошло.

– Чужим?! Эх, если бы ты только знала...

Долго не заживают раны от обломков острых углов рухнувшей надежды, но мне всё ещё жаль тебя, даже теперь, спустя столько лет. Ты и я давно миновшем, но прошлое перестаёт быть им, если терзает каждодневно...

Но отчего... зачем тогда была произнесена та фраза: «Ты – лучшее из всего, что я когда-либо встречал.» И вновь этот мужеский род, уродующий тебя!..

Познав истинный вкус, цвет, запах слов, я бунтую! И радуюсь этому бунту... Потому, как, если привыкну к восприятию искажённого, изменюсь сам... И не в лучшую сторону.

Разорванные неотвратимостью отъезда, уже почти чужие друг другу, мы стояли на перроне. Я беспомощно бормотал о том, что живу с ощущением того, что на меня смотрят, и пытаюсь соответствовать... Грустно интересовался её мнением на этот счёт, хотя в самом деле требовал ответа на совершенно иной вопрос, но всё никак не решался задать его. Она же отзывалась только на то, что слышали уши, сердце было глухо.

– Нет, тебе не кажется, это так и есть. За тобой наблюдает твоё Высшее «Я». Ну, или Бог. Знаешь, кто это? Это ты сам. Ты создал куклу, назвал своим именем, вселился в неё, и отрезал память о том, кем она была и остаётся. И теперь ты играешь ею в спектакле о жизни.

– Как-то всё это...

– Что тебе не нравится?!

– Когда играешь, понимаешь, что это игра! А если, как ты сказала, то как же оно так?

– Сказал. Сказал! Запомни раз и навсегда, я – мужчина!

– А кто же тогда я?!

Ты перестала отвечать на телефонные звонки и письма, – я перечитывал старые. Грел в ладонях позабытые второпях бусы. Они были так же холодны, как и ты. Пересматривал фотографии. Раньше ты часто присылала мне снимки разорённых банкротством домов, и я стал подозревать самое плохое. Плюшевые медведи в придорожной канаве терзали воображение хуже всего.

Но... если тебе плохо, если ты ещё есть... Представь, что лежишь на моем диване, я – рядом, тихо глажу тебя по голове, все, что нас разлучает – рассеивается... И ты видишь дом, который стоит по колено в тумане... колодец... несколько яблонь... а вдалеке, переворачиваясь с боку на бок, фыркает во сне кабан.

– Не плачь, девочка, не плачь, всё пройдет...

Очередь

– *Кащенко, это больно?*

– *Это навсегда...*

Сидя перед кабинетом психиатра, стараешься смотреть или в пол, или в стену напротив. Так нестыдно. Когда мы узнаём в толпе соседей из этой очереди, стараемся поскорее разойтись, делаем вид, что не знакомы. Мы здесь – каждый со своей бедой, и спокойно выдыхаем лишь выйдя за порог, туда, где живут свободные от страхов люди.

Неважно – пуст тоннель коридора или полон, там всегда эхо. Люди серыми тенями сидят и ждут повода проскользнуть, кто куда поскорее. Медсёстры с историями ментальных болезней монументальны в своём намерении убедить в своей непричастности к происходящему, но стук каблучков мечется от стены к стене шаровой молнией, выдавая их характер. Сердобольные как бы парят над полом, а стервы цокают, чертовки, так, словно вбивают набойки вместе с гвоздями вам в голову. Хочется заткнуть уши, но... не стоит привлекать к себе внимание. Лучше подумать о чём-то своём.

Это произошло не так давно, чтобы я мог позабыть, но достаточно для того, чтобы мне не было стыдно рассказать об этом.

Так бывает, когда ты не первый раз попадаешь в одно и то же отделение, лежишь, любишься потолком, похожим на стиральную доску, вывернутую наизнанку, как вдруг появляется в отделении знакомый тебе по прошлому залёту... Точнее, у нас, у психов, это называется заворотом. Охотники желают друг другу «Ни пуха, не пера». Наше пожелание скромнее: «Не заворачивайся больше», – напоминаем мы при прощании на выписке.

Итак, отдыхаю я однажды на коечке, прикидываю, каких припасов достану из своего железного шкафчика к обеду, да как не замараться ворованным хлебосольством крысятника Кузьмича. (Про Михал Кузьмича я не зря, не подумайте чего, там же все, как на ладони, сразу видно, кто чего стоит.) И тут в палату входит старый знакомый, Ленин.

Щуплый, вялый парнишка отзывался на партийную кличку вождя Страны Советов охотно. Казалось, название его не обижало, не унижало, ну – не беспокоило, в общем, видимо никак. Ленин да Ленин.

Отобедали. Полежали, пофилософствовали. Под присмотром медсестры приволокли из столовой кастрюлю с ужином, получили карамелек, это мы так называем таблетки, и... тихий противный вечер.

В 22 часа прилёт, начинаю вязнуть в дремоте, и слышу истошный крик Ленина:

– Карпов выигрывает!!!

– Фу-ты, ну-ты...

А надо сказать, что шахматные болельщики в ту пору были не хуже футбольных. Ходили по коридорам с плакатами и скандировали: «Кар-пов! Кар-пов!».

И вот, через час с лишним, когда чемпионат по шахматам закончился, вваливается в палату Ленин, и радостно голосит:

– Карпов!!! Шах, мат! Клетки...

Я поднимаюсь с кровати, и тихо так, но грозно ему:

– Ленин, какого хрена... спят все!!! – ну и высказал всё, что думал и о Карпове, и о нём, Ленине. А когда, резонно заключив, что инцидент исчерпан, вознамерился было прилечь, тут-то Ленин меня и приложил, стулом. Нагнулся за ним, и с воплем:

– Ты меня ещё в прошлый раз достал! – кинул в меня. Я был парнем спортивным, уклонился, конечно, да и стул такой, нетяжёлый, из полых гнутых трубочек, но после этого расхотелось называть парня Лениным. А чего? Раз смог за себя постоять...

Опять стук каблуков. На этот раз почти вежливый, даже слегка боязливый. То студентки. Приталенные белые халаты, дорогие часики, недорогие бриллианты. Волнуются, пришли сдавать зачёт по психологии. Переговариваются... Зачем, мол, им этот дурацкий предмет. Не выдерживаю:

– Девочки, – говорю, – не ленитесь, учите психологию. Вся жизнь, так или иначе, построена на её законах...

Замолчали. Переглянулись. Правильно... Что с меня, психа, взять...

Ненастоящий человек

– Ты гуся ел?

– Не, я гагару ел.

– И как тебе?

– На рыбу похожа.

– Зато без костей...

Отрываясь кусками от неба, льётся снег.

Только что там, за ним, то, что выше?

Птица ветку, как будто ребёнка, спускает не с рук, та дрожит не от холода. Ей одиноко.

Снег на месте парит, а округа кружится.

Дождь пытается тучу на месте сдержать.

Свет луны, истончаясь, питает рассветное солнце.

Травы держат земли берега...

Всё ли попытка, задуматься? Так ли, как мнится?

На границе Белого и Баренцева морей, над невысоким узким выступом суши, прозванным настоящими людьми¹ в честь хищной птицы кани, проходит весенний путь гусей на Родину.

Скрывая стать под серыми невзрачными одеждами, первым появляется гуменник.

Местные молча смотрят на него снизу вверх: и белолобый гусь по прозвищу белолобик, и пискулька, его малый брат. Второй – в особенности. С тех пор, как его портрет оказался на страницах страшной книги красного цвета, он стал более опасливым, чем раньше, и радовался тому, что невзрачен и невелик.

Гуменник же, дерзнувший одолеть перелёт, не скрывался ни от кого. Плотные полотна стаи растягивались надолго, и ненцы наловчились добывать птицу, не распугивая её взрывами пороховых зарядов. Отыскав на берегу промытый насквозь камень, привязывали к нему длинную нить и выпускали в небо так, чтобы орудие пролетало через стаю, никого не задев. Как только камень направлялся к земле, то, охватив гуся за шею шарфом бечевы, неизменно увлекал за собой и его.

Однажды добытая подобным манером птица, попала в руки обычного, ненастоящего человека. Конечно, он видел гусей и раньше. На деревенском пруду, или обложенного ябло-

¹ ненцы

ками в центре рождественского стола. Гусь с длинной шеей красовался даже на шестой странице букваря. Но чтобы так, в руках, навечно расслабленным, – никогда.

Птицу требовалось выпотрошить и оципать. Если первое казалось осуществимым кое-как, то второе... И было решено запечь гуменника «в собственном соку», обмазав несчастного глиной с узорчатых ног до носатой головы. Это обещало избавить птицу от оперения, не издеваясь над нею, и не измучившись самому.

Натаскав два ведра глины, ненастоящий человек принялся за дело, по окончании которого гусь стал похож на шар, и по размерам мог бы соперничать с ядром Царь-пушки.

Помещённый меж двух толстых жердин посередине костра, он испытывал на себе жар всё новых и новых порций древесины. И, спустя приличный срок, как только глиняный шар заметно раскраснелся, было решено, что гусь «в собственном соку» уже готов. Впрочем, глина вполне предсказуемо запеклась, и, чтобы добыть содержимое, её пришлось рубить топором.

Поддалась она не сразу, а когда шар раскололся, наконец, то внутри оказался пуст. Гусь воспарил.

Как напоминание о себе, оставил маленькую косточку и немного солёной морской воды, над которой так долго летел, добираясь домой.

Целина

Свет налобного фонаря паровоза загодя освещает ненужный ему путь, начиная с макушек заснеженных осин. Или будит их, или не даёт заснуть, словно память, что, шаркая разношенными тапками, тревожит сквозь пыльную паутину дрёмы. Впрочем, она скупа и бродит со свечой. Пламя ластится суетливым язычком и, понимая о себе, взывает к тому, о чём успеет. Выходит нервно отчасти, неровно, от того искренне... и порой неправдоподобно: неужели это... было... со мной.

Целина, Казахстан, 50 лет назад холодными вечерами мы собирались под навесом летней кухни. К столу подсаживалось командированное из Москвы начальство, шофёры, студенты и профессура. Одним словом – почвоведы. Безразмерный рабочий день не отпускал до ночи. Берега бесконечных разговоров, омытые реками горячего чая, чаще были по делу. Люди лакомились булкой «Бородинского», гостинцем из центра, нарезанным на ровные ломтики, и обсуждали причины падения плодородия почв. Но иногда...

– Куда девается сметана? – скашивая глаза на тощего профессора с неизменным «Зенит-Д»

наперевес, сокрушалась повариха. Её полная шея рождала смутные желания мужской части коллектива, но тяжёлые кулаки супруга, что присутствовал тут же, не давал им осуществиться. – По утрам нам привозят трёхлитровку молока, жирность по ГОСТу, Иван Абрамыч, председатель колхоза, распорядился. Там сверху сметаны должно быть на вершок, не меньше. Я поднимаюсь в полпятого, но к этому времени её кто-то регулярно подчищает. Товарищи! Ну, имейте совесть, в конце-то концов!

Товарищи совесть имели, и молчали именно поэтому. Все знали, что профессор поднимается раньше всех и съедает сметану. И ему наверняка было бы стыдно, если бы голод в своё время не переварил это чувство, вместе с травой и сладкими кусочками обёрточной бумаги, найденной в земле. Профессор прошёл немецкие лагеря. Повариха, как и все, была в курсе этого несчастного обстоятельства, и бурчала больше для порядка. Ей было жаль человека, и она, в силу возможности, оделяла его внушительными порциями во время обеда. Впрочем, это помогало мало, и сметана продолжала исчезать до самого отъезда профессора в Москву.

Время от времени на стационарку, так назывался наш палаточный городок подле казахского посёлка Диевка (Мырзакел²), состоявшей из немцев, русских и казахов, приезжали гости. С одним из них, Василием, столичным служащим Госплана, отношения как-то сразу не заладились. Причём, у всех. «Бородинского» он, конечно, привёз, но едва ли не продал его нам, и во всём искал подвох или выгоду. Практичный был мужик, обстоятельный, противный. В первый же вечер исхитрился настроить против себя даже нашего приبلудного Белого, не вполне ещё кота, но уже и не котёнка. Он был совершенно ничей, а значит – наш. Подкармливая его в обмен на уют сопричастности нашему житью-бытью, мы по очереди заманивали его к себе в палатку, наслаждаясь мурчанием, умеряющим тоску о доме.

Василий же, приметив устроившегося подле кота, возмутился:

– О, сидит... бездельник. Жирует на наших харчах. И сдался он вам?

Белый глянул на него с усмешкой, не спеша подошёл к щели деревянного настила и, сделав молниеносный бросок правой, подцепил когтем мышь. Придавив её до хруста, перехватил поперёк туловища и положил к ногам гостя.

– Глядите-ка, вон он у нас какой, – похвасталась повариха, но тот возразил:

– Подумаешь. Это случайность, речи они, твари, не понимают. Тут человек не всякий разбирает, что к чему, а это животное.

– Белый не животное! – подала голос студентка с дальнего конце стола.

– Плохо вас учат в вашем институте, – укорил её Василий. – Кто ж он, по-вашему?

Белый во всё время разговора внимательно прислушивался, и, не отыскав лучшего аргумента, принёс ещё одну мышь к ногам человека. Но тому, уверенному в своём превосходстве и непогрешимости, было недосуг вникать в психологию отношений, а спустя месяц он и вовсе переехал запоздавшего сойти с дороги кота колесом своей машины.

Уезжая с целины, мы нежно поминали Белого, и недобрым словом – ночниц, красивых бабочек, чья прожорливость могла соперничать с саранчой. Кузова грузовиков, доверху наполненные зерном, часто доезжали до элеватора набитые трухой, огрызками, которые оставляли после себя ненасытные гусеницы совки³.

Воспоминания... Они дряхлеют вместе с нами, как тот тряпичный транспарант со словами «Догнать и перегнать Америку», что ветшал на ветру, оставляя видимыми одни лишь, нанесённые белой краской, слова на борту грузовика: «Не уверен, не обгоняй».

Чешская смена

Детский лагерь, в котором я проводила своё первое школьное лето, второй поток, второй смены... в общем – в июле месяце! – принимал гостей из дружественной Чехословакии. Перед поездкой бабушка нашла мне семь штук разных платьев, а мама, со свойственной ей дотошностью, раздобыла небольшой русско-чешский чешско-русский словарь:

– Нехорошо, если ты не будешь знать, о чём говорят гости, учи!

– Ahoj! Dobry den! Nashledanou...⁴ – старательно выговаривая я похожие на русские, и такие удивительно *иные* слова чешского языка. Очень хотелось поскорее запомнить их и использовать по назначению.

Представлялось, как ребята из Чехословакии обрадуются, что я, советский октябрёнок, могу рассказать на их родном языке о нашей чудесной стране с её разноцветными морями, крепостями городов и удивительных людях... Но увы.

² Мырзакөл (каз. Мырзакөл, до 1997 г. – Диевка) – село в Аулиекольском районе Костанайской области Казахстана

³ бабочка ночница

⁴ Здравствуйте! Добрый день! До свидания...

Приехавшие *milenki*⁵ спешили стать милыми для любого, кто хотел обнять их. Хлапцы⁶ тоже не хлопали ушами, а шлёпали русских девчонок по костлявым задкам, не особенно заботясь о том, что скажут им наутро вожатые и воспитатели. Но никто не возражал, ни по-русски, ни на чешском. Обходились жестами, взглядами, объятиями... и каким-то пошлым хихиканием, от которого немного тошнило, и почему-то делалось стыдно.

Совершенно расхотелось применять свои знания в таких... антисанитарных условиях. Столь милый язык из уст неприятных... гм... граждан...

По возвращении из лагеря, когда впечатления о плохом выветрились, как запах плесени, довольно сильно потянуло в страну, откуда приехали эти неприятные дети. Захотелось найти того, кто поймёт меня, продравшись сквозь колючки чудовищного акцента, и ответит или задаст вопрос, на который я знаю ответ. На его родном языке!

Упорное бормотание над словариком плавно перешло в чтение книги вслух, и это была... конечно! – как иначе?! – история о милом лукавом Швейке. Двухтомник на чешском, купленный случайным образом, дождался своего часа. От чтения «про себя» не было никакого толку, а вот вслух... К концу первой главы, мелодия языка начала проникать в сознание, из руин недопонимания восставали образы, обороты, события, шутки... Через пару часов я хохотала в голос и... оказалось, что в книге, над которой некогда смеялся дед, много чего не было переведено.

И всего каких-то десять лет спустя...

Поездка, организованная для поощрения тех, кто показал хорошие результаты на Кубке СССР по скоростным видам подводного спорта, подходила к концу. Нас включили в состав группы лучших комсомольцев, артистов и учителей. Несколько дней возили по городам, устраивали встречи на предприятиях, с руководителями мест⁷ и просто – экскурсии в музеи.

Повсюду нас сопровождала гид Маша, высокая худая брюнетка с навечно изумлёнными глазами. Она прекрасно справлялась со своими обязанностями, но на четвёртый день путешествия, во время вводной лекции на пороге замка Карела, порядковый номер которого стёрся из памяти, группа чуть ли не хором попросила Машу больше не трудиться переводить, побереечь голос, ибо всё было понятно и так. Хотя в первые дни все обращались за помощью ко мне:

– Ой... пойдём, спросишь! Там такое...

– Да опять ерунда какая-нибудь, зачем оно вам?!

– Ну, тебе жалко, что ли? – просили девицы, парни, и даже тот, другой, сопровождающий из КГБ, – симпатичный парень с хитрыми глазами на нарочито простоватом лице. С самой первой минуты он не скрывал своей роли в поездке, и от того казался безобидным. Или честным, что, впрочем, не одно и то же.

– Колик то стоэ?⁸ – вопрошала я продавца, указывая на требуемую вещицу.

Тот буравил меня недовольным взглядом и отвечал, естественно, по-чешски:

– Ну, что, сама не видишь, что ли?! Глаза разуй, вон ценник написан, сбоку!

Оборачиваясь к группе, я переводила слова продавца, который моментально краснел и принимался просить прощения за невежливое обращение, чем доставлял неописуемое наслаждение собравшимся.

⁵ девушки

⁶ парни

⁷ Место – город по-чешски

⁸ Сколько стоит?

Не менее приятно было, присмотрев в магазине тканей тонкий, мышинового цвета, бархат, услышать однажды:

– Нет его, прости, закончился, всё русские разобрали. Решительно все принимали меня за свою...

Нравилось выходить из гостиничного номера в 5 утра, когда чехи спешили на работу, зайти в молочную лавку, купить 10-граммовый брикет сливочного масла, горячую булочку и зайти в кафетерий:

– Йедна кава, просым⁹, – торопила я парня за стойкой и, как заправская чешка хлебала кофе тут же, за мраморным высоким столиком. Но при всём при этом, на мне была футболка с изображением киевского «Динамо». Я любила играть в футбол, болела за Олега Блохина и вообще – заметно гордилась страной, откуда приехала в гости. И это вместо того, чтобы ходить, тыча пальчиком в витрины и напропалую восхищаться всему!!!

Когда, после очередной экскурсии, Маша подвела нас к продавцу итальянского мягкого мороженого (змерзливо¹⁰!), вся группа, как один, закатила глаза от восторга. А я попробовала и совершенно честно сказала, что «наше вкуснее», после чего выкинула рожок со сливочной холодной пенкой в урну. Педагоги и комсомольские работники возмутились «кощунству», а парень из КГБ... Сомнительно, чтобы он не описал это в своём отчёте.

Готические замки, мощёные улочки... Но у меня был ещё один интерес. Перед отъездом я срезала уголки суперобложки с томиков «Похождений бравого солдата Швейка». Там был обычный книжный лотерейный билет. Продавцы сбились смотрели во все глаза на человека, приехавшего из СССР, чтобы зайти в книжный. В первую же минуту разговора выяснилось, что розыгрыш уже прошёл.

– Да? Ну, хорошо, пусть так, не страшно. – В отличие от работников магазина, я не была раздосадована или расстроена. Им не хотелось отпускать меня с пустыми руками. Они пошептались, захотели вручить что-то от себя... Но... Я ушла. Улыбаясь и благодаря. Честно, было приятно выйти из магазина просто так, с радостью в сердце и хорошим настроением. Хотя, предпоследний вечер в Чехословакии чуть было не испортил общее впечатление от поездки.

– Сбор в автобусе ровно в двадцать один ноль- ноль, не опаздывайте, пожалуйста! – попросила Маша.

Мы вышли и «Икарус» опустел. Водитель привычно откинулся на сидение и невнимательно задремал. Нас ждал «Вечер дружбы», организованный местной молодёжной организацией. Приветственные речи, банкет и танцы, сдобренные большим количеством сливовицы, крепкого пива, заспиртованных фруктов, апельсинового ликёра и шпикачек¹¹. На десерт – разговоры на изломанном русском и шлагачки¹².

Неловкость, кутаясь в алкогольных парах, ушла, не оглядываясь на то, как скоро пьянеют комсомольцы и беспартийные педагоги. Нам, спортсменам, было неинтересно наблюдать за этим. Впрочем, принимающая сторона воздержанностью тоже не отличалась. Со всех сторон слышались предложения пойти, «почитать чешскому языку» где-то в укромном уголке.

Меня это здорово смешило. Всего пару дней тому назад удалось отделаться от воздыхателя из Канакри. Высоченный негр, на смеси чешского и английского, сделал недвусмысленное предложение. Песня Дина Рида, случайно исполненная в его присутствии, поразила нежное французское сердце. Он плёлся до комнаты и канючил:

⁹ Один кофе, пожалуйста!

¹⁰ Мороженое

¹¹ колбаски

¹² пирожные

– Будь моя манжелка¹³! Тут же напросился в гости и, не стесняясь семи пар глаз соседок по комнате, пал на одно колено.

Вежливый, но категоричный отказ изумил парня. Он безутешно и искренне рыдал до утра под дверью комнаты. А после, – долго бежал за автобусом, обещая непременно отыскать свою «единственную навсегда любовь» и добиться её расположения. Спустя много лет, могу засвидетельствовать, что этого так и не произошло, но очевидцы событий по сию пору интересуются, «как там в Канакри».

Итак, наскучив обществом нетрезвых соотечественников и пьяных в драбадан активистов чешской молодёжной организации, мы ушли в автобус. Примерно через час туда же вбежала Маша и с криком: «Помогите! Я не могу их поднять!!!», разрыдалась.

Пришлось идти выручать. Преодолевая сопротивление обеих сторон, разлучая стихийно образовавшиеся пары, мы загрузили подгулявших сограждан в салон. Когда Маша пересчитала поголовье, водитель нажал кнопку закрытия дверей и включил освещение. Оказалось, что женская половина сидит в вывернутых наизнанку брюках, а беспорядок в одежде мужчин менее заметен, но не менее банален, чем это случается обыкновенно. Сконфуженные и весёлые, туристы глядели в тёмные окна, но наутро к завтраку вышли не все. Собрались быстро, до вокзала ехали молча. Больше всех нашему отъезду радовалась Маша.

¹³ супруга по-чешски

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.